

Моск. комсомолец, 1974, 27 марта

Портреты молодых

НЕОЖИДАННОСТИ НЕ КОНЧАЮТСЯ

Когда творческая судьба начинается с такой роли, как старшина Васков в кинофильме «А зори здесь тихие...», актера принято считать везучим.

Драматургический материал уже сам по себе обеспечивает успех. (Я видел несколько Васковых, актеров разной степени дарования, но в этой роли зал аплодировал им восторженно). И то, что Андрей Мартынов стал «знаменитым» после фильма «А зори здесь тихие...», не удивительно. Удивительно лишь то, что при возможности выбора был взят никому не известный выпускник ГИТИСа. Удача его в этом фильме бесспорна. Но о размере дарования говорить еще было рано — такова уж роль Васкова: очень сложно было уловить, где кончается ум, доброта и талант героя и начинается ум, доброта и талант артиста...

Буквально следом за премьерой «Зорей» в Театре на Малой Бронной вышел спектакль «Не от мира сего» А. Н. Островского. В роли Барбарисова — Андрей Мартынов.

«Фирс Лукич Барбарисов, молодой человек, по наружности очень скромный»...

Чепуха! Барбарисов Мартынова не скромнен ни снаружи, ни внутри. Он убежден в правоте своей подлости. «Скромный разночинец» торгуется, как изворотливый купец. У мартиновского Барбарисова атрофированы все человеческие чувства. У хищника отбирают добычу, и он пойдет на любые средства, лишь бы удержать ее в своих руках... Даже в сцене с «любимой невестой» Барбарисов не пытается скрыть откровенный характер сделки. И без того не очень-то нежный текст в устах Мартынова — чистая формальность, а мысль все время одна: не упустить. Всеми правдами и неправдами выжать из этой дуры девчонки и ее матери все, что возможно...

Он, скорее, не входит, а просачивается на сцену, отравляя собой все вокруг. По сравнению с этим Барбарисовым даже старуха Снафидина — ангел божий. И, в отличие от «коллективного» убийства в пьесе, Барбарисов — Мартынов убивает героиню сам, один — все остальные для этого слишком мелкие сошки...

Меньше чем за полгода мы увидели двух совершенно разных актеров в одном человеке. Мартынов в Васкове — сама сдержанность, минимум выразительных средств, лишь через напряженный взгляд льется огромная доброта и великое понимание. Васков на экране — вдвое старше актера. Он — сибиряк, поэтому «окает». Но ни это овзросление, ни эту своеобразную речь в зале не замечают. Актер умудрился при явно характерном образе остаться нехарактерным актером. То, что потом с таким блеском проявится в театральных работах Мартынова, в кино осталось «за кадром». Если сейчас попытаться расказать, что делает артист в фильме, то можно ответить: «Думает». Он думает,

когда говорит, думает, когда смотрит, слушает; он измучен своими постоянными тяжелыми мыслями.

Роль Васкова не предполагает в актере его будущую почти гротесковую характерность.

И вдруг — Барбарисов — злость, хитрость, неприкрытая жадность, постоянная раздражительность, отвращение ко всем и ко всему. Казалось, будто с переменной костюма вселилась в актера другая душа.

Есть артисты, которые, играя (и очень хорошо) самые разные роли, всегда узнаваемы... Мартынов же влезает в своих героев без остатка, он никогда не смотрит на них со стороны. Всегда доводит главное в них — до предела. Самое сердечное понимание — в Васкове, самая злая злость — в Барбарисове, и вслед за тем самая добрая доброта — в Туркульце из спектакля «Общественное мнение».

Так же, как и Барбарисов, Туркулец был сыгран им почти без перерыва между новой и предыдущей ролью. И вновь произошло чудо преображения.

«Общественное мнение» — спектакль-игра. А Мартынов всерьез стал Туркульцем. Значит, нарушение правил игры? Нет! Просто в «Общественное мнение» стал играть не Андрей Мартынов, а его герой; старый смешной добряк Туркулец наравне с актерами разыграл зрителей. Ему очень симпатичен новый молодой редактор, да и актер, играющий его; и Туркулец, забыв о своем возрасте и солидном положении, с радостью окунается в стихию веселого праздника, как и вся эта «зеленая молодежь», отплясывает «цыганочку», легкомысленней других тряс плечами и заигрывая с хорошенькой крестьянкой.

В этом обаятельном спектакле самый обаятельный персонаж — Туркулец Мартынова. Что-то в этом человеке удивительно трогательно. Бывают вот такие смешные чудачки, от общения с которыми очищаешься и светлеешь, которые никогда не могут надоесть и отношение к которым может быть только самое нежное. При всей своей нелепости Туркулец Мартынова — очень мягкий человек. Очень интеллигентный. Очень мудрый, и мудрость эта — в его лукавом молчании.

Слова для этого актера абсолютно не обязательны. Вот на сцене идет «серьезный» разговор, редактор «занят», и Туркулец вынужден ждать. Он скромно сидит в стороне и читает газету. Но его так смешит происходящее на сцене, что он не в силах сдержаться и тихонько повизгивает. И от этого повизгивания зал дружно хохочет.

Это умение Мартынова, не говоря ни слова, быть предельно выразительным еще раз подтвердилось в телевизионном спектакле «В номерах», где он сыграл полового Семена. Роль эта исчисляется, пожалуй, десятком слов, но хитрый и ленивый коридорный запоминается до мелочей...

Мартынов в кадре появляется ненадолго — перевернуть стрелку часов или подремать в коридоре на стуле... С какой редкостной тупостью смотрит он на циферблат, как доволен, когда удастся угадать, что делать с этой загадочной стрелкой! А в его сонном оцепении — счастье, все неопишемое блаженство человека, адаптированного настолько, что притягательными остаются только два состояния: поесть и поспать... Лишь увидев, как открывают кошелек, он оживает. Каждая его мышца напрягается, от волнующего ожидания, наверное, пересыхает в горле. Но вот монета в руке. Половой смотрит на нее, и на его лице и разочарование, и осточертевшая необходимость улыбаться, и все возможные и невозможные «комплименты» в адрес «благотельницы»...

Васков, Барбарисов, Туркулец, Семен. Были и другие роли, но по этим особенно полно можно представить себе дарование актера, для которого поистине не существует границ амплуа. Трагический Васков, характерный Барбарисов, лиричный Туркулец, бытовой Семен — трудно сказать, есть ли роль, недоступная Андрею Мартынову. Мы вправе ждать от него неожиданностей, радостных, прекрасных, — и пусть эти неожиданности не кончаются.

М. ИСАКОВА.

